

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев

Знаменательный юбилей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806445

Аннотация

«Право Ивана Дмитриевича Сытина на «всемирное» признание (в чем смысл сегодняшнего его юбилея) является спорным, т. е. не для всех ясным и очевидным. Пусть московская Дума единодушно постановляет приветствовать И. Д. Сытина, это ее обязанность перед «москвичами»; пусть даже именитые писатели своим участием в сборнике «Книга» подтверждают серьезность и важность нынешнего дня – для широких кругов интеллигенции остается открытым вопрос: в чем именно те огромные заслуги Сытина, которые дают ему право на столь пышный триумф?..»

Содержание

Леонид Николаевич Андреев

Знаменательный юбилей

Право Ивана Дмитриевича Сытина на «всемирное» признание (в чем смысл сегодняшнего его юбилея) является спорным, т. е. не для всех ясным и очевидным. Пусть московская Дума единодушно постановляет приветствовать И. Д. Сытина, это ее обязанность перед «москвичами»; пусть даже именитые писатели своим участием в сборнике «Книга» подтверждают серьезность и важность нынешнего дня – для широких кругов интеллигенции остается открытым вопрос: в чем именно те огромные заслуги Сытина, которые дают ему право на столь пышный триумф? Больше того: чем можно оправдать поступок юбилейного Комитета (вероятно, его), приурочившего чествование Сытина к такому великому историческому празднику, как 19 февраля, – дню освобождения русских крестьян от рабства?

«Сытинские» издания обладают одним бесспорным свойством: распространенностью; равным образом и все «сытинские» предприятия и дела обладают аналогичным свойством – громадностью. Его пресловутые лубки и календари, его учебники и пособия, наконец, его газета «Русское слово» распространены широко и массой бумаги, вероятно, превос-

ходят все другое по этой части; так же велики сытинские типографии и всё прочее, материальное. Приобщение к сытинскому делу «Нивы» с ее приложениями, само по себе дающее основателю «Нивы» Марксу право на вечную благодарность со стороны русского народа, доводит масштаб до того предела, до какого едва ли достигало какое-либо другое русское издательство.

Но распространенность и огромность – лишь свойство, но еще не качество; и русскому интеллигенту известны многие случаи «распространенности» (хотя бы сочинений г-жи Вербицкой), которым так же мало оснований радоваться, как распространению скарлатины или холеры. Правда, на людей с пылким воображением, до сих пор удивляющихся расстоянию Земли от Солнца и с волнением переживающих всё огромное: миллиарды, небоскребы и пулеметы – самый масштаб действует ошеломительно и в корне отсекает все вопросы о правах на признание и благодарность: люблю тебя за то, что ты огромен. Однако эти люди, кланяющиеся всякой царь-пушке, способны делать только шум, «признание» же дают другие – те, кто ищет и ценит качество. Каковы же качества сытинских изданий?

И здесь ответ, на первый взгляд, получается весьма неутешительный. Не говоря о «Ниве», где Сытин является только продолжателем хорошего начала, или о «Посреднике»¹,

¹ «Посредник» – издательство просветительского характера, основанное в Петербурге в 1884 г. по инициативе Л. Н. Толстого. В 1892 г. было перенесено

не имевшем с ним органической связи, все остальные сытинские издания отнюдь не пользуются почетом, каковой заслужили уже давно те же павленковские издания² или нынешние – сабашниковские³ с их замечательной библиотекой классиков. Хуже того, даже некоторые совсем, по сравнению, маленькие издательства, как прежнее «Знание»⁴ или тепе-

в Москву. И. Д. Сытин содействовал распространению дешевых изданий «Посредника» для народа. В начале 1903 г. руководитель «Посредника» И. И. Горбунов-Посадов обратился к Андрееву с просьбой разрешить издать для народного чтения его рассказы «Петька на даче» и «Гостинец». Андреев разрешил и отказался от гонорара, но рассказы его, выбранные «Посредником», выпустили другие издательства, с которыми у Андреева были более ранние соглашения.

² ...*Павленковские издания...* – Имеется в виду рассчитанная на широкий круг читателя предпринятая петербургским книгоиздателем Ф. Ф. Павленковым (1839–1900) научно-популярная биографическая серия «Жизнь замечательных людей».

³ *Сабашников М. В.* (1871–1943) и *Сабашников С. В.* (1873–1909) – братья, книгоиздатели в Москве. Выпускали в основном естественнонаучную и художественную литературу. Особой известностью и признанием пользовались издаваемые ими многотомная серия «Памятники мировой литературы» и с 1909 г. – «Академическая библиотека русских писателей». См.: *Сабашников М. В. Воспоминания.* М., 1983.

⁴ «Знание» – Книгоиздательское товарищество «Знание» начало свою деятельность в Петербурге в 1898 г. Одним из основателей и бессменным директором-распорядителем издательства был прогрессивный педагог-естественник К. П. Пятницкий. Сначала «Знание» печатало популярные книги по естествознанию, педагогике и искусству. После вступления в 1900 г. в «Знание» М. Горького издательство было реорганизовано. Не прекращая выпуск общеобразовательных книг, «Знание» сосредоточило главное внимание на издании собраний сочинений и новых произведений М. Горького, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, В. В. Вересаева, Скитальца (С. Г. Петрова), Н. Г. Гарина-Михайловского, Е. Н. Чирикова и др. писателей демократического направления.

решнее «Товарищество писателей в Москве»⁵, имеют больший вес и значение в глазах читателя, внушают больше доверия и интереса, нежели любой многотомный или листовочный «Сытин». Там, у Павленковых и Сабашниковых – там идея. Там осознанное стремление к общественности или красоте, там видна высокая цель, к которой идет издатель; там – идея.

Где же идея в «сытинских» изданиях?

Ответ только один. Стоит лишь сверху бросить взгляд на всю эту сытинскую мешанину, где песенник, молитвослов, дешевый календарь и патриотический лубок сопрягаются с Мережковским⁶ и Горьким, чтобы спокойно и сразу решить:

⁵ *«Товарищество писателей в Москве»* – В данном случае имеется в виду возникшее в конце 1911 г. литературное объединение под маркой «Книгоиздательство писателей в Москве». В 1916 г. Андреев заочно, в результате голосования, был избран в состав редакционной коллегии издательства (против голосовал В. В. Вересаев). В выпускавшемся издательством литературном сборнике «Слово» (кн. 6. М., 1916) впервые напечатана пьеса Андреева «Младость» (Повесть в диалогах). В 1915–1917 гг. в «Книгоиздательстве писателей в Москве» вышли т. 15–17 Собрания сочинений Андреева (часть тиража печаталась параллельно в Петербурге).

⁶ *...сопрягаются с Мережковским...* – В 1914 г. в Т-ве И. Д. Сытина вышло Полное собрание сочинений Д. С. Мережковского в 24-х томах. М. Горький, учитывая просветительский характер книжной деятельности И. Д. Сытина, неоднократно стремился заинтересовать его организацией ряда серийных изданий («История русского народа», журнал по изучению России и др.). В начале 1913 г. М. Горький принял предложение И. Д. Сытина о сотрудничестве в «Русском слове», хотя раньше считал это для себя неприемлемым. В 1914 г., по возвращении в Россию из Италии, М. Горький некоторое время проживал в имении И. Д. Сытина Берсеневка под Москвой. В приветствии по случаю юбилея И. Д. Сытина

идеи у сытинских изданий нет и не было. Порою грубые, как макулатура, часто совсем лишённые вкуса и чуть ли не смысла, а порой столь изящные, тонкие и умные, как стихи и рассказы И. Бунина⁷, – все эти сытинские книги, книжонки и газетные листы дают изумительную картину какого-то издательского хаоса, над которым вместо духа Божьего носится и царит один всепожирающий масштаб: больше книг! больше листов! больше печатной бумаги, бумаги!

Так смотрит на это дело интеллигент, чтущий идеи, избалованный (хотя бы и «вприглядку») четкими и ясными формами Запада. Но есть и другая точка зрения, более пригодная для России, той России, которая сама есть только количество и масштаб, в ожидании лучшего; и с этой точки зрения сытинское издательство является делом величайшей важности и значения, а сам он – Иван Дмитриевич Сытин – человеком, заслужившим признание народное и триумф.

Эта точка зрения – то самое девятнадцатое февраля, которым помечен нынешний календарный день и к которому пригнан и сытинский юбилей. Кто не одним формальным умом, а и сердцем понял и почувствовал значение этого дня для России, тот не только с почтением дикаря, глядящего на

М. Горький писал: «Проработать полстолетия в таком честном и важном деле, каково издание книг для страны духовно голодной, для нашей несчастной страны – это огромная культурная заслуга» (Сытин И. Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 211).

⁷ ...стихи и рассказы И. Бунина. – Отмечается факт публикации художественных произведений И. А. Бунина (1870–1953) в газете «Русское слово».

Эйфелеву башню, а и с более нежным и ценным чувством возьмет нынче в руки сытинскую книжку и еще раз взглянется в черты юбилярова лица. Эти черты просты и даже простецки; в них ни на грош нет «меди», и ученый западный физиономист весьма затруднится, к какому разряду великих людей отнести этого необычного юбиляра. И долго, в недоумении, он будет рассматривать это загадочно-простое лицо, пока не переместится что-то в душе его и глазах, и не поймет он, что это – не лицо случайного и преходящего И. Д. Сытина, а лицо огромного и великого народа, того народа, что был полуосвобожден 19 февраля и настойчиво просит, молит и требует «вторую половину»; того народа, что после бесконечной ночи своего бытия взмолился о светлом дне и всею темною громадой своею разинул рот на книгу.

Книга! Кто нынче в нашей среде знает священную поэзию книги? Не ту полудохлую поэзию книжников, что копаются кротами в темных библиотеках, гурманствуя языком и старчески поскрипывая мыслями, а ту молодую, горячую поэзию влюбленности и любви, когда к книге стремишься столь же страстно, как к возлюбленной на свидание? Истинная любовь есть истинный голод. И кто ныне в нашей среде знает этот голод-любовь, который заставляет не читать книгу, а жрать ее?

Мы читаем книги, а он – г. великий народ русский – он книгу лопает и жрет. Вам не нравится этот грубый образ? Тогда возьмите другой: он благоговейно проглатывает ее как

причастие, он не читатель – он молитвенник на книгу.

И вот вам И. Д. Сытин: величайший пожиратель книг, он же молитвенник на книгу, он же участник воскресения народного. И не ищите идеи в его изданиях – он сам, вот этот И. Д. Сытин, есть идея... и прекраснейшая идея! Ибо этой идеей заряжен весь народ, откуда он выскочил – босой, голодный духом и о духе, жадный к свету до слепоты, полусвободный, вольноотпущенник, но еще не гражданин. Издатель, сам почти не знающий грамоты (некогда было научиться, надо было издавать!), – это ли не образ безмерной и святой жадности? Конечно, как не смутиться перед таким несуразным явлением «западному» четкому уму, но мы, дети мужицкой, несуразной, огромной и возрождающейся России, мы его поймем. Это для ясного Запада куб всегда куб, а у нас и для куба допустимы всякие формы; и не всегда внешне светел наш свет, что не мешает ему творить понемногу такой же день, как и во всем божьем мире.

И не смущайтесь «качества» у сытинских изданий: оно уже заключено в их количестве. Кто спорит против необходимости разумного меню и для пищи духовной? И кто не хотел бы более питательной еды для народа, нежели сытинский лубок и календарь, кто не предпочел бы для народа более изящно сервированный стол, нежели грязноватая скатерть харчевни, чайной и трактира? Но там, где царит массовый голод, там, где самое понятие печатного знака еще нуждается в освящении и букварь служит источником мудрости и по-

знания, там количество еды является более важным и необходимым фактором, нежели строгий и ограниченный подбор ее. «Глупый милорд»⁸ вовсе не так глуп, как это кажется в столицах, и «Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа» разбудила к жизни немало сердец, познавших через эту наивную книжонку всю сладость чувствительности и поэтических грез. Когда голодает целый народ, только что освободившийся от пут, – это совсем не то, что три интеллигента, идущие обедать к Донону; этого не надо забывать при оценке сытинского дела.

Еще одно сомнение.

Пожиратель книг И. Д. Сытин стал торговцем книгами. Да, торговцем – огромным, ненасытным (почему он – Сытин?), всеядным, порою даже смешным в своей детской неразборчивости. И, как всякий торговец, он – «ум», «сметка» и «хитрец» – не любит формальных договоров, склонен решать дела за чайком, в интимности; то до смешного передорожит, то на грош накупит пятаков: сам не всегда знает цену своего товара. Наивничает. Делает вид, что «глубоко уважает» больших писателей, но внутренне и в них видит толь-

⁸ «Глупый милорд»... – Речь идет о лубочной повести писателя XVIII века Матвея Комарова, первым изданием вышедшей в 1786 г. («Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерикс Луизе»). Впоследствии печаталась под заглавием «Повесть о милорде аглицком-георге». В данном случае у Андреева скрытая цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: «Эх! эх! придет ли времечко, // Когда мужик не Блюхера // И не милорда глупого – // Белинского и Гоголя // С базара понесет?»

ко «товар» и мучается, если не замечает цены на обложке, чтобы иметь точку для дальнейших операций. Вздыхает и в трудных обстоятельствах принимает личину слабосильного больного; любит поговорить о том, что «он из народа», не подозревая, кажется, насколько эта похвальба мала для того, кто по существу своему не только из народа, а сам народ.

И опять недоуменный вопрос: за что же триумф торговцу, хотя бы это был торговец книгами? И снова странный, но многим весьма понятный ответ: за то, что один из первых вольноотпущенников принял книгу, как «товар», и до святости просто и крепко, навсегда, на всю жизнь, поверил в ее «меновую», материальную ценность. Для нас это мало, но это бесконечно велико для того, кто вместе со всем своим народом привык подбирать в ладонь падающие хлебные крошки, ибо ценит хлеб, как единственную в мире истинную ценность. И как не уронит он крошки наземь от того хлеба, – так утвердил он своей торговлей великую ценность нового «хлеба», к которому жадно припадает духовно голодная Россия. И также не уронит крошки, ибо не только ест, а и чтит, не только потребляет, – а и производит. Да, торговец, а не торгаш, не тот, подло равнодушный к внутренней ценности вещей, что нынче торгует иконами, а завтра утраивает барыши на «живом товаре».

И сегодня, в лице Ивана Дмитриевича Сытина, мы приветствуем русский народ. Приветствуем его духовный голод, его безмерную жадность. Приветствуем его первые, еще сле-

пые, но уже такие твердые и решительные шаги. Приветствуем его великий сокрытый разум, бросивший его из цепей прямо к книге – последнему Освободителю! Пусть ломает книги, пусть жрет, пусть приобщается! Приветствуем его безошибочное чувство жизни, приведшее его на тот единственный путь, в конце которого – Возрождение России.

Когда-то срезали розги с деревьев и ими секли предков юбиляра, ныне всеми почтенного; теперь на бумаге из той же древесной массы Сытин печатает миллионы книг; это ли не сладчайшая месть угнетателям, достойная всяческого триумфа!